

ЖОЭЛЬ
ДИККЕР
ПРАВДА О ДЕЛЕ
ГАРРИ КВЕБЕРТА

Роман

Перевод с французского

Ирины Стаф

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Д45

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Диккер, Жоэль.
Д45 Правда о деле Гарри Квеберта : роман / Жоэль Диккер; пер. с франц. И. Стаф. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 720 с.

ISBN 978-5-17-086262-7

“Правда о деле Гарри Квеберта” вышла в 2012 году и сразу стала бестселлером. Едва появившись на прилавках, книга в одной только Франции разошлась огромным тиражом и была переведена на тридцать языков, а ее автор, двадцатисемилетний швейцарец Жоэль Диккер, получил Гран-при Французской академии за лучший роман и Гонкуровскую премию лицейстов. Действие этой истории с головокружительным сюжетом и неожиданным концом происходит в США. Молодой успешный романист Маркус Гольдман мается от отсутствия вдохновения и отправляется за помощью к своему учителю, знаменитому писателю Гарри Квеберту. Однако внезапно выясняется, что помощь требуется самому Гарри, обвиненному в убийстве, которое произошло в тихом американском городке 33 года назад. Чтобы спасти Гарри от электрического стула, Маркус берется за собственное расследование и пытается распутать сложнейший клубок лжи, давно похороненных тайн и роковых случайностей. И получает тридцать один совет, как написать бестселлер.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 884(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-086262-7

- © Éditions de Fallois / L'Âge d'Homme, Paris, 2012
- © И. Стаф, перевод на русский язык, 2014
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Исчезновение (суббота, 30 августа 1975 года).....	9
Пролог Октябрь 2008 года (спустя 33 года после исчезновения)	11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Болезнь писателей. Страх чистого листа (за 8 месяцев до выхода книги)

31. В глубинах памяти	15
30. Великолепный	41
29. Можно ли влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?	65
28. Как важно уметь падать (Университет Берроуза, Массачусетс, 1998–2002)	88
27. Там, где сажали гортензии	112
26. Н-О-Л-А (Аврора, Нью-Гэмпшир, суббота, 14 июня 1975 года)....	141
25. О Ноле	153
24. День независимости	177
23. Те, кто близко ее знал	191
22. Полицейское расследование	219
21. О том, как трудно любить	237
20. Обед в саду у Куиннов	257
19. “Дело Гарри Квеберта”	275

18. Мартас-Винъярд (Массачусетс, конец июля 1975 года)	304
17. Попытка бегства	324
16. “Истоки зла” (Аврора, Нью-Гэмпшир, 11–20 августа 1975 года)	352
15. Перед бурей	375

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Выздоровление писателей. Книга пишется

14. Что случилось 30 августа 1975 года	399
13. Буря	416
12. Человек, который писал картины	446
11. В ожидании Нолы	465
10. Поиски пропавшей девочки (Аврора, Нью-Гэмпшир, 1–18 сентября 1975 года)	480
9. Черный “монте-карло”	496
8. Анонимщик	523
7. После Нолы	552
6. Принцип Барнаски	566

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Рай писателей. Книга вышла

5. Девочка, которая потрясла Америку	589
4. Sweet Home Alabama	618
3. Election Day	634
2. Конец игры	654
1. Правда о деле Гарри Квеберта	669

Эпилог. Октябрь 2009 года (спустя год после выхода книги)	714
---	-----

<i>Слова благодарности</i>	718
--------------------------------------	-----

Моим родителям

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

(суббота, 30 августа 1975 года)

— Единый диспетчерский центр полиции. Что случилось?

— Алло! Меня зовут Дебора Купер, я живу на Сайд-Крик-лейн. По-моему, я только что видела, как какой-то мужчина гонится в лесу за девушкой.

— Опишите точно, что произошло.

— Я не знаю! Я стояла у окна, смотрела в сторону леса и увидела там эту девушку, она бежала между деревьями... И ее преследовал мужчина... По-моему, она пыталась от него спастись.

— Где они сейчас?

— Я... Я их больше не вижу. Они в лесу.

— Немедленно высылаю к вам группу, мэ.

Именно с этого звонка начались события, всколыхнувшие весь город Аврора, что в штате Нью-Гэмпшир. В тот день бесследно исчезла Нола Келлерган, местная девушка пятнадцати лет. И больше ее никто никогда не видел.

ПРОЛОГ

октябрь 2008 года

(спустя 33 года после исчезновения)

О книге говорили все. Я больше не мог спокойно бродить по улицам Нью-Йорка, я больше не мог совершать обычную пробежку по аллеям Центрального парка — гуляющие встречали меня возгласами: “Э, да это Гольдман! Тот самый писатель!” Бывало, кто-нибудь даже пробегал несколько шагов, чтобы догнать меня и задать терзавшие его вопросы: “Так это правда, то, про что написано в вашей книжке? Гарри Квеберт действительно это сделал?” В моем любимом кафе в Уэст-Виллидж некоторые посетители, недолго думая, усаживались за мой столик и заводили разговор: “Я сейчас читаю вашу книгу, мистер Гольдман, буквально не могу оторваться! Первая тоже была хороша, но эта! Вам правда отвалили миллион долларов, чтобы вы ее написали? А лет вам сколько? Только что исполнилось тридцать? Тридцать лет! И у вас уже такая куча деньжищ!” Даже привратник в моем доме, чье продвижение к концу книги я наблюдал каждый раз, когда он открывал мне двери, наконец, закончив чтение, надолго зажал меня у лифта, чтобы излить душу: “Так вот что случилось с Нолой Келлерган? Какой кошмар! Но как же человек может до такого докатиться, а, мистер Гольдман? Как такое может быть?”

Весь Нью-Йорк гонялся за моей книгой; она вышла всего две недели назад и уже обещала стать лидером продаж года на всем американском континенте. Всем хотелось знать, что произошло в Авроре в 1975 году. Об этом говорили везде: на телевидении, на радио, в газетах. Мне только что исполнилось тридцать, и эта книга, всего лишь вторая в моей карьере, сделала из меня самого популярного писателя Америки.

Громкое дело, которое взбудоражило всю страну и из которого я почерпнул сюжет для своего рассказа, случилось несколькими месяцами раньше, в начале лета, когда были обнаружены останки девушки, исчезнувшей тридцать три года назад. Так было положено начало событиям в Нью-Гэмпшире, о которых здесь пойдет речь. И не будь их, о существовании городка Аврора в остальной Америке наверняка никто бы и не подозревал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Болезнь писателей
Страх чистого листа**

(за 8 месяцев до выхода книги)

В глубинах памяти

- “ — Самое главное, Маркус, это первая глава. Если она читателям не понравится, остальное они читать не будут. С чего вы думаете начать свою книгу?
- Не знаю, Гарри. Думаете, у меня когда-нибудь получится?
- Что?
- Написать книгу.
- Я в этом уверен. ”

В начале 2008 года, то есть примерно через полтора года после того, как благодаря своему первому роману я сделался новым идиолом американской литературы, на меня напал жестокий страх чистого листа — похоже, довольно обычный синдром среди писателей, переживших внезапный и громкий успех. Болезнь проявилась не сразу, она угнездилась во мне постепенно. Такое ощущение, что она поразила мозг и он постепенно оцепенел. На первые симптомы я не обращал внимания: я говорил себе, что вдохновение вернется завтра или послезавтра, а может, послепослезавтра. Но шли дни, недели, месяцы, а вдохновение не возвращалось.

Мое нисхождение в ад поделилось на три этапа. Первым, без которого никаких головокружительных падений просто не может быть, стал стремительный взлет: первый ро-

ман, распроданный в количестве двух миллионов экземпляров, возвел меня в ранг популярного писателя. Стояла осень 2006 года, и за несколько недель мое имя превратилось в Имя: я был везде — на телевидении, в газетах, на обложках журналов. Мое лицо глядело с гигантских рекламных плакатов на каждой станции метро. Самые суровые критики крупнейших ежедневных газет Восточного побережья в один голос утверждали, что молодой Маркус Гольдман обещает стать великим писателем.

Одна-единственная книга — и передо мной уже открыты врата новой жизни: жизни юных звезд-миллионеров. Я съехал из дома своих родителей в Монтклере, штат Нью-Джерси, и обосновался в дорогой квартире в Гринвич-Виллидж, я сменил свой весьма потрепанный “форд” на новенький черный “рейнджровер” с тонированными стеклами, я сделался завсегдатаем фешенебельных ресторанов, я прибегнул к услугам литературного агента, который ведал моим времяпрепровождением и приходил в мой новый дом смотреть бейсбол на гигантской плазменной панели. Я снял офис в двух шагах от Центрального парка, где слегка влюбленная секретарша по имени Дениза разбирала мою почту, варила мне кофе и сортировала мои важные бумаги.

Первые полгода после выхода книги я лишь наслаждался своим новым приятным существованием. По утрам я заходил в офис, при случае просматривал статьи о себе и читал десятки писем от поклонников, которые приходили ежедневно и которые Дениза затем убирала в большие папки. Потом, довольный собой, я решил, что поработал достаточно, и шел бродить по улицам Манхэттена, провожаемый шушуканьем прохожих. Остаток дня я пользовался новыми правами, приобретенными вместе с известностью: правом покупать все, что захочется, правом

на VIP-ложу в Мэдисон-сквер-гарден на матчах “Рейнджеров”, правом шагать по красным дорожкам вместе с музыкальными звездами, чьи диски я собирал в ранней юности, правом появляться в свете вместе с Лидией Глур, героиней последнего телесериала, которую буквально рвали на части. Я был знаменитый писатель; мне казалось, что это самая прекрасная профессия. Уверенный, что успех будет длиться вечно, я не придавал значения первым предупреждениям своего агента и издателя, которые торопили меня и усаживали за работу — писать новый роман.

За следующие полгода я обнаружил, что ветер изменился: писем от поклонников приходило все меньше, а на улице ко мне подходили все реже. Вскоре те из прохожих, кто меня еще узнавал, стали задавать один и тот же вопрос: “А о чем будет ваша следующая книга, мистер Гольдман? И когда она выйдет?” Я понял, что пора браться за дело, и взялся за дело: записал на листочках некоторые идеи и набросал на компьютере несколько синопсисов. Но ничего хорошего не вышло. Тогда я стал придумывать другие идеи и набросал новые синопсисы. С тем же успехом. В конце концов я купил новый компьютер — в надежде приобрести в комплекте отличные идеи и отменные синопсисы. Все напрасно. Потом я попытался сменить метод: призвав на помощь Денизу, я до глубокой ночи диктовал ей опорные фразы, остроумные шутки и великолепные подступы к роману. Но наутро шутки казались мне плоскими, фразы — банальными, а пресловутые подступы — перекрытыми. Я вступал во второй этап своей болезни.

Осенью 2007-го исполнился год с момента выхода моей первой книги, а я не написал еще ни единой строчки. Когда письма в папках иссякли, в общественных местах меня перестали узнавать, а из больших книжных магазинов на Брод-

вее исчезли афиши с моим лицом, я понял, что слава мимолетна. Что эта вечно голодная горгона быстро покидает тех, кто ее не кормит: популярные политики, старлетка из последнего реалити-шоу и нашумевшая рок-группа забрали себе внимание, предназначавшееся мне. А ведь после выхода моей книги прошел всего год, всего лишь годик, до смешного короткий в моих глазах, но с точки зрения человечества равнозначный вечности. За этот самый год в одной только Америке родился миллион детей, еще миллион человек умерли, добрых тысяч десять были застрелены, полмиллиона пристрастились к наркотикам, еще миллион стали миллионерами, семнадцать миллионов сменили мобильный телефон, пятьдесят тысяч погибли в автокатастрофах, а еще два миллиона при тех же обстоятельствах получили более или менее серьезные травмы. А я написал всего одну книгу.

“Шмид и Хансон”, влиятельное нью-йоркское издательство, заплатившее мне кругленькую сумму за право напечатать мою книгу и возлагавшее на меня большие надежды, наседало на моего агента Дугласа Кларена, а тот, в свою очередь, теребил меня. Он говорил, что время поджидает, что мне непременно надо представить новую рукопись, а я, пытаясь его успокоить, чтобы успокоить самого себя, уверял, что мой второй роман движется полным ходом и ему не о чем волноваться. Но я часами просиживал взаперти в кабинете и так и не написал ни строчки: вдохновение внезапно ушло и больше не возвращалось. А по вечерам, лежа без сна в постели, я представлял себе, что скоро, еще до своего тридцатого дня рождения, великий Маркус Гольдман перестанет существовать. Эта мысль навела на меня такой ужас, что я решил слегка встряхнуться и уехать в отпуск: провести месяц на вилле в Майами, так сказать, ради но-

вых впечатлений — и в тайной уверенности, что, расслабившись под пальмами, полностью восстановлю контроль над своим творческим гением. Но Флорида, естественно, оказалась всего лишь пышной попыткой бегства, а эту тягостную ситуацию за две тысячи лет до меня уже опробовал на себе философ Сенека: куда бы вы ни бежали, ваши проблемы залезают к вам в багаж и следуют за вами повсюду. Вот так сразу по приезде в Майами меня догнал у выхода из аэропорта симпатичный носильщик-кубинец и спросил:

— Вы мистер Гольдман?

— Да.

— Тогда это ваше.

И протянул мне пакет с пачкой бумаги.

— Это мои чистые листы?

— Да, мистер Гольдман. Вы же не можете без них ехать.

Так что месяц во Флориде я провел в одиночестве, запершись в люксе со своими демонами, раздосадованный и жалкий. Мой компьютер был включен день и ночь, но документ, озаглавленный “новый роман.doc”, оставался безнадежно пустым. То, что я подцепил болезнь, весьма распространенную в творческой среде, я понял однажды вечером, предложив коктейль “Маргарита” пианисту в гостиничном баре. Пересев за стойку, он поведал мне, что за всю жизнь написал одну единственную песню, но эта песня оказалась оглушительным суперхитом. Он имел такой успех, что так и не смог написать ничего другого и теперь, несчастный, без гроша в кармане, зарабатывал на хлеб, наигрывая для гостиничных постояльцев чужие хиты. “Я тогда мотался в адские туры по самым большим залам страны, — говорил он, держа меня за ворот рубашки. — Десять тысяч человек орали мое имя, одни телки падали в обморок, другие швыряли мне на сцену тру-

сики. Это было нечто”. И, слизав, как собачка, соль с края стакана, добавил: “Клянусь, это правда”. И что хуже всего — я знал, что это правда.

Третий этап моих бедствий начался сразу после возвращения в Нью-Йорк. По дороге из Майами я прочел в самолете статью о некоем молодом писателе, только что выпустившем роман, который критика превозносила до небес, а по прибытии в аэропорт Ла-Гуардиа я увидел в зале получения багажа его лицо, смотревшее на меня с огромных плакатов. Жизнь издевалась надо мной: меня не только забыли, но, что еще хуже, заменили другим. Дуглас, встречавший меня в аэропорту, был вне себя: “Шмид и Хансон”, потеряв терпение, требует доказательств того, что роман продвигается и вскоре я смогу принести им законченную новую рукопись.

— Дело дрянь, — сказал он мне в машине, пока мы ехали в Манхэттен. — Ну скажи мне, что во Флориде ты набрался сил и твоя книжка почти готова! Еще этот тип, про которого все говорят... Его книга будет иметь большой успех на Рождество. А ты, Маркус? Что у тебя есть на Рождество?

— Я сейчас за нее засяду! — в панике вскричал я. — Я успею! Устроим большую рекламную кампанию, и все получится! Людям понравилась первая книга, понравится и вторая!

— Марк, ты не понимаешь: все это можно было бы сделать еще несколько месяцев назад. В том и состояла стратегия: оседлать волну успеха, накормить публику, дать ей то, чего она хочет. Публика хотела Маркуса Гольдмана, но поскольку Маркус Гольдман тихо слинял во Флориду, читатели пошли и купили книжку кого-то другого. Ты экономисту учил хоть немножко, Марк? Книги стали взаимозаменяемым продуктом: люди хотят, чтобы роман им нравился, они хотят расслабиться и развлечься. Если этого не дашь им ты, значит, даст твой сосед, а ты отправишься прямиком в корзину.